

К ДАТИРОВКЕ НОВЫХ ОГАРЕВСКИХ ДОКУМЕНТОВ

В 61-м томе «Литературного наследства» М. В. Нечкиной опубликовано «Пять революционно-конспиративных документов из бумаг Огарева». Сравнительно подробные сведения об этих документах М. В. Нечкина сообщила еще в 1947 г. в статье «Н. П. Огарев в годы революционной ситуации» («Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1947, № 2, стр. 105—122). В 1953 г. в «Литературном наследстве» документы напечатаны полностью. Новые документы представляют значительный научный интерес и, естественно, привлекли большое внимание исследователей.

Вполне понятно, что плодотворное использование документов предполагает прежде всего их правильную, по возможности точную датировку. М. В. Нечкина с самого начала предложила и свою датировку. Относительно третьего, четвертого и пятого документов мы не находим оснований для пересмотра предложенных дат. В отношении датировок двух первых документов, условно именуемых «Идеалы» и «Цель русского движения», возникают сомнения, которыми мы считаем полезным поделиться.

Рукопись «Идеалы», по убеждению М. В. Нечкиной, возникла «между маем и июнем 1859 г.» (М. В. Нечкина. Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.).— «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 469, 494; М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации (1859—1861 гг.).— «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка, т. XIII, вып. 1, 1954, стр. 58).

Нам кажется более осторожным расширить границы искомой даты документа и отнести рукопись «Идеалы» примерно к 1859—1860 гг. Возможно,— несмотря на ту или иную степень «неувязки» между содержанием рукописи с одной стороны и прозаикой Огарева в «Колоколе» за 1859 г.* с другой,— что «Идеалы» относятся к 1859 г. (хотя едва ли не более вероятной датой является 1860 г.). Законность дат 1859—1860, с нашей точки зрения, подкрепляется пунктом 10 раздела рукописи «Идеалы», названного автором: «Первоначальные труды общества» («Лит. наследство», т. 61, стр. 499). Рекомендую, в числе других форм работы общества, издание книг и деятельность «странствующих агентов-преподавателей», Огарев поясняет, что «публичные лекции

* На этой стороне дела — на расхождении между конценцией документа «Идеалы» и печатными высказываниями Огарева в «Колоколе» — сосредоточил свое внимание Б. П. Козьмин в статье «Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с А. И. Герценом» («Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, т. XII, вып. 2, 1953). Разноречие, безусловно, налицо, хотя все же, пожалуй, не столь резкое и глубокое, как оно кажется Б. П. Козьмину. В документе мы не находим прямого плана «возможного, по мнению его автора, восстания в России» (стр. 152), плана «революционного переворота» (стр. 155); там есть проект нового более или менее идеального («Идеалы» — наименование раздела документа) государственного и общественного устройства и план общества, исподволь подготовляющего (нелегальными и легальными средствами) почву для осуществления такого нового строя. С другой стороны, характер взглядов, высказывавшихся Огаревым в «Колоколе», не исключал идеи полезности тайного общества в России. Огарев безусловно был сторонником — и до 1861 г.— соединения открытой общественной работы с нелегальными действиями всякого рода.

входят в моду, их можно распространить даже по селам». Известно, что публичные лекции стали «входить в моду» с 1859 и, в особенности, с 1860 г., когда из Петербурга они довольно широко распространились на Москву, Казань, Одессу, Киев и другие города.

Для приурочения рукописи только к 1859 г., а тем более к маю — июню 1859 г., мы не видим достаточно веских оснований: соответствующих по значению аргументов пока не было предъявлено.

Единственным доводом в пользу даты: «между маем и июнем 1859 г.» — остается наличие в конце рукописи «Идеалы» фразы: «Общеславянская конфедерация теперь немислима; она может уясниться только настоящей войной» («Лит. наследство», т. 61, стр. 500). М. В. Нечкина высказывает полную уверенность, что этой войной «может быть лишь так называемая Итальянская война 1859 г. — война Австрии против союза Сардинии с Францией...» (там же, стр. 494). Мы не можем разделить эту уверенность исследователя. Верно, что война 1859 г. («франко-австрийская» в более распространенном наименовании) ставила, по крайней мере косвенно, «вопрос о судьбе славянских народов». Однако этот вопрос не мог быть снят ни поражением австрийских войск при Сольферино 24 июня 1859 г. (оно, напротив, придавало этому вопросу еще большую актуальность), ни даже подписанием Виллафранкского договора в июле того же года или завершением (в конце 1859 г.) последовавших за Виллафранкским договором длительных дипломатических обсуждений. Большое возбуждение в славянском мире наблюдалось потом в течение 1860 г. в связи с «итальянской войной» в собственном, точном смысле (так называли ее и современники), войной за освобождение и объединение Италии. Возбуждение, как известно, отнюдь не прекратилось и в следующем году, да и позже. В некоторых кругах считались с возможностью прямой поддержки со стороны наиболее передовых сил итальянского национально-освободительного движения восставшим и развертывавшим открытые военные действия против султанской Турции народам Герцеговины, Боснии, Черногории *. Настоящими были в 1860—1861 гг. разговоры о вмешательстве держав в итальянские дела, об угрозе общеевропейской войны. Надо отметить, что Огарев проявлял живой интерес к этим международным событиям; ярким свидетельством этого является, например, его письмо к Герцену от 19 сентября 1860 г. («Русские прописки», т. 4. М., 1917, стр. 246—247).

Следует ли совсем игнорировать «итальянскую войну» 1860 г. при попытках ответить на вопрос, о какой войне мог говорить Огарев в «Идеалах»? Думается, — не следует, для этого нет пока оснований. Наконец, нельзя забывать и событий, происходивших на самом Балканском полуострове. На протяжении 1858—1862 гг. почти не прекращались боевые действия между южнославянскими народами и Турцией, принимая по временам характер открытой войны. Огарев мог иметь в виду и эту затяжную борьбу, мог и о ней говорить, как о «войне». Недаром в советской исторической литературе можно встретить упоминания о «четырёхлетней войне» Черногории с Турцией — в отношении к событиям 1858—1862 гг.

Возникает еще вопрос: как нужно читать приведенную фразу Огарева, к чему относится в ней слово «только»? Не следует ли понимать фразу в том смысле, что война может быть именно «уяснить», но ни при каких условиях не решить вопрос о славянской конфедерации. При таком толковании «Сольферино» (если принять, что документ «Идеалы» писался во время франко-австрийской войны) уж никак не могло бы сыграть в глазах Огарева роль такой грани, за которой интерес «уяснения» проблемы для него исчез бы. Другими словами, документ «Идеалы» — допуская, повторяем, что он был составлен в 1859 г. — мог быть написан и до, и после битвы при Сольферино, мог даже быть написан и в течение некоторого времени после прекращения военных действий.

* «Италия подает руку Черногории и Герцеговине», — писали «С.-Петербургские ведомости» (№ 64 от 19 марта 1861 г.). Та же газета через несколько дней, публикуя сообщение о высадке отряда гарибальдийцев «между верхней Албанией и австрийской Далмацией», выражала мнение, что итальянский вождь направит путь «на север, где найдет восстание Герцеговины в полном разгаре» (№ 67 от 23 марта 1861 г.).

Чтобы исчерпать все возможные толкования далеко не вполне ясной и понятной фразы Огарева, на которую целиком опирается датировка М. В. Нечкиной, надо прибавить, что слово «настоящая» могло вообще быть употреблено в значении не «нынешней» (войны), а «подлинной» (или «серьезной», «решительной» и т. п.). Мысль Огарева в таком случае можно было бы, например, понять и следующим образом: только «настоящая» война, а не происходящая долголетняя война более или менее партизанского типа позволила бы уяснить проблему общеславянской конфедерации. Мы отнюдь не собираемся настаивать на таком толковании, но считаем и подобную гипотезу не исключенной.

* * *

Еще большие сомнения вызывает предложенная датировка другой рукописи Огарева—«Цель русского движения». М. В. Нечкина говорит о 1860 г., как о «наиболее правдоподобной дате возникновения рукописи...» («Лит. наследство», т. 61, стр. 500). В статье «Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации» (стр. 55) М. В. Нечкина еще категоричнее заявляет, что «Цель русского движения» датируется 1860 г. С этим утверждением трудно согласиться. Рукопись содержит краткий набросок плана вооруженного восстания. Хотя на протяжении именно 1860 г. позиция и Огарева, и Герцена претерпевает очень существенные изменения, все же весьма многочисленные их высказывания, бесспорно относящиеся к 1860 г., не позволяют предположить прямого ожидания (и тем более призыва) ими восстания в близком будущем. Представления Огарева о желательном и возможном ходе событий выражены были во втором из «Писем к соотечественнику», напечатанном в «Колоколе» от 1 августа 1860 г.; дальнейшее развитие эти представления получили в его статье «На новый год», опубликованной в «Колоколе» от 1 января 1861 г. Споры нет, по тону и содержанию эти статьи, особенно вторая, во многом отличны от прежних. Тем не менее план, намечаемый рукописью «Цель русского движения», значительно разнится от пожеланий и мыслей, развитых Огаревым в упомянутых статьях середины и даже конца 1860 г. Зато он тесно примыкает к статьям, письмам, воззваниям Огарева 1862 г. (отчасти и к статьям середины и второй половины 1861 г.). Рукопись «Цель русского движения» очень близка, между прочим, к напечатанной М. В. Нечкиной, в составе той же публикации 61-го тома «Литературного наследства», рукописи «Заграничные общества», вполне правильно датированной исследователем 1862 г. Постановка задач движения совпадает в обоих документах — совпадает не только по смыслу, но и по букве, по важнейшим формулировкам (ср. «Лит. наследство», т. 61, стр. 509, от слов: «Теперь цель и т. д.).

Серьезного внимания заслуживает постановка в документе «Цель русского движения» вопроса о Земском соборе: «Цель русского движения: созвать Земский собор из посланцев ото всех уездов, выбранных всем народом, без различия сословий, для всеобщего нового устройства России <...> Если (или так как) государь не хочет созвать Земского собора, то неурядица неизбежно доведет до восстания» («Лит. наследство», т. 61, стр. 501). Революционная агитационная кампания, в центре которой был поставлен лозунг всенародного «Земского собора», стала широко разворачиваться весной и в середине 1862 г. «Мне кажется, что уяснить необходимость Земского собора становится делом обязательным», — указывал Огарев Николаю Серно-Соловьевичу в июне 1862 г. (М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», изд. 2. СПб., 1908, стр. 21). Примерно в июле-августе 1862 г. Огарев писал Миллю: «Народное представительное собрание, избранное на основе всеобщего <...> избирательного права, — вот идея, которая, мне кажется, волнует сейчас всю страну» («Лит. наследство», т. 61, стр. 898). План революционных действий, намеченный в рукописи «Цель русского движения», и — не в последней очереди — место, отводимое в этом плане борьбе за Земский собор, неизбежно наводят на мысль, что рукопись может скорее всего относиться к 1862 г.

Но как быть с аргументацией, выдвигаемой М. В. Нечкиной в защиту своей датировки? Основное доказательство в пользу даты «1860 г.» М. В. Нечкина видит в том, что в основе программы, формулируемой рукописью, стоит требование освобождения кре-

стьян от крепостного права. Дополнительное подтверждение она усматривает в следующем за этим пункте требований — об «отдаче общинам (громадам, миру) земли, им принадлежащей — как есть межа...» «Народное выражение «как есть межа» еще раз подтверждает, — пишет М. В. Нечкина, — что документ относится ко времени до крестьянской реформы 1861 г., потому что Огарев в противном случае должен был бы употребить не настоящее, а прошедшее время» («Лит. наследство», т. 61, стр. 473).

Чтобы объективно оценить степень убедительности изложенной аргументации, напомним прежде всего точный текст главного требования рукописи «Цель русского движения». Оно заключается в «немедленном уничтожении всякого крепостного права, помещичьего и казенного, на людей и землю» («Лит. наследство», т. 61, стр. 501).

Спросим себя: могла ли такая формулировка выйти из-под пера Огарева после 19 февраля (точнее — 5 марта) 1861 г., или это надо считать невозможным. Ответ кажется нам ясным: да, вполне могла. Реформа не дала «немедленного уничтожения всякого крепостного права» — помещичьего и уже подавно казенного — на людей; нечего и говорить, что она не уничтожила крепостного (феодального) права на землю.

Хорошо известна оценка реформы 19 февраля представителями русской революционной демократии, в частности — оценка ее Огаревым. Еще в канун объявления реформы, в статье «На новый год», Огарев предсказал, что «новый указ о крестьянах» не будет концом крепостного состояния («Колокол», л. 89 от 1 января 1861 г., стр. 749). Через несколько месяцев после обнародования «Положений» 19 февраля Огарев выступил со своим знаменитым «Разбором нового крепостного права». Крестьяне, доказывал Огарев, фактически «не вышли» из крепостной зависимости, крепостное право (по существу) «не отменено» («Колокол», л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 848). Стоя на такой позиции, разве не мог и — больше того — не должен был Огарев выступить и после реформы с процитированным выше требованием?

Лозунг «освобождения», освобождения с землей, неоднократно провозглашался в демократической печати после февраля — марта 1861 г. Приведем несколько примеров.

В июньской книге «Современника» за 1861 г. была напечатана статья Николая Серно-Соловьевича по вопросу о земском заемном банке. Автор указывал, что освобождением крестьян с землей Россия «может доказать» (т. е. в будущем могла бы доказать, а не доказала) «возможность осуществления утопии — распространения права собственности на всю массу населения» (Н. С е р н о - С о л о в ь е в и ч. Размышления по поводу статьи г. Шилля о государственном или земском заемном банке. — «Современник», 1861, № 6, стр. 289). В известном «Ответе Великооруссу», приписываемом тому же Н. Серно-Соловьевичу и опубликованном в сентябре 1861 г., задача революционного лагеря определялась так: «Наша цель — полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей» («Колокол», л. 107 от 15 сентября 1861 г., стр. 897). Программа эта, сформулированная приблизительно через полгода после реформы, по сути дела целиком совпадала с теми требованиями, какие значатся в рукописи Огарева.

Уже в следующем году (1862) Микаэл Налбандян в своем труде «Земледелие как верный путь» требовал — «объявить крепостного совершенно свободным вместе с землей» (М. Н а л б а н д я н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1954, стр. 412).

Наконец, приведем еще один пример из прокламационной литературы 1862 г. Воззвание «Офицеры», распространенное в Петербурге весной 1862 г., свою программу требований открывало пунктом: «Освободить крестьян с землей, выдав помещикам вознаграждение». Прокламация эта была перепечатана в 133-м листе «Колокола» от 15 мая 1862 г. (стр. 1108).

Приведенные выдержки, по нашему мнению, не оставляют сомнений в том, что решающее для датировки, устанавливаемой М. В. Нечкиной, положение рукописи «Цель русского движения» не может служить убедительным доказательством дореформенного происхождения этого документа.

Дополнительный аргумент уважаемого исследователя также не кажется нам доказательным. Работы по размежеванию земли только еще начинались, и Огарев мог и

должен был — и в 1861 г., и в 1862 г. — писать: «как есть», а не: «как была» межа. Напомним, что в статье «Что нужно народу» (лето 1861 г.) Огарев предлагал объявить, что «крестьяне свободны с той землей, которою теперь владеют» («Колокол», л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 854). Он пользовался, следовательно, и после реформы настоящим, а не прошедшим временем. То же и в статье «Ход судеб» через год после реформы. Огарев повторяет здесь свою прежнюю точку зрения: «...По самой правде, следовало бы все земли к селам прирезать и выдать дворянам тягловый пай; но до сущей правды дойти мудрено; если — грех пополам — на мировую пойти, то пусть оставят крестьянам всю землю, какой они теперь владеют», — с прирезкой из помещичьей земли при недостаточных наделах («Колокол», л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1016).

Пункт о «меже», впрочем, наводит на другую мысль, не лишенную значения для датировки: он предусматривает передачу общинам «земли, им принадлежащей», а не всей земли. Если тут нет случайности, зависевшей, быть может, от черного характера наброска, то нельзя ли из этого заключить, что рукопись «Цель русского движения» была составлена до того, как Огарев выступил с лозунгом: «Земля чтоб вся осталась за миром и помещик таким же мирским пайщиком, как и другие». Это положение заимствуется нами из статьи Огарева «Куда и откуда», появившейся в «Колоколе» от 22 мая 1862 г. (л. 134, стр. 112).

Можно было бы допустить (хотя, повторяем, это вовсе не представляется нам бесспорным), что документ был написан *до мая* 1862 г.

Таковы некоторые наши соображения по датировке ценных новых материалов, опубликованных М. В. Нечкиной и заслуживающих дальнейшего внимательного изучения.

Ш. Л е в и н